

Валентина Батищева

*Хозяйка дома в
лесу безвременья*



16+

Валентина Батищева

Хозяйка дома в лесу безвременья

«Автор»

2022

Батищева В.

Хозяйка дома в лесу безвременья / В. Батищева — «Автор»,
2022

Если дети выросли и мужу не до тебя, может стоит изменить привычную жизнь? К примеру: занять домик где-то в странном лесу, завести новых, не менее странных друзей – домового, лешего, водяного? Да и самой оказаться не простым человеком, а целой феей?! А главное – помочь маленькому мальчику закрыть долги его прошлых жизней и узнать тайны своей семьи?

© Батищева В., 2022

© Автор, 2022

Валентина Батищева

Хозяйка дома в лесу безвременья

Рюкзак всё сильнее давил на плечи. Наталья уже не глядела по сторонам, шла, глядя под ноги, тяжело дыша и мечтая упасть и не вставать. Хотелось пить, крем не спасал от назойливых насекомых и солнце уже начало припекать. Гид вещал где-то впереди про протекающую речку, что та некогда была более полноводной, так как скалистые берега были вымыты до округлостей на высоте примерно метра.

"Идти не долго!" – говорили они. "Лёгкая прогулка по утренней росе!" – говорили они. И она, дура, чего, спрашивается, попёрлась?

– Ну хочешь, иди! – сказал муж. – Я такое не люблю, ты знаешь. Мне завтра проект сдавать, я лучше над ним ещё поработаю.

В свои сорок четыре Наталья Яганова была женщиной не хрупкой, скорее – с немного лишними округлостями, с мечтами о похудении и кучей душевных терзаний. Мечты оставались мечтами, так как поесть Наталья любила и всякие пироженки-мороженки стороной обойти не могла. Да и муж очень любил выпечку супруги, поощряя своими: "Спасибо, очень вкусно!" выискивать новые рецепты, чтобы порадовать его ещё больше.

Дети выросли, разлетелись в свои семьи. И вот, Наталья столкнулась с пустотой вокруг себя, с "никому ненужностью". Старшая дочь Света была темноглазой, темноволосой, не похожей ни на мать, ни на отца, видимо, в кого-то из дальней родни. Раньше свекровь иногда поджимала губы, глядя на внучку, но вслух свои сомнения не озвучивала. Теперь ни свекрови, ни свёкра уже не было...

Света привозила свою маленькую дочку на выходные. Маленькое чудо успевало навести "шорох" по всей квартире: фантики везде, изрисованный диван и отпечатки шоколадных ладошек на обоях. Но Наталья любила такие их приезды, затискивая "бабину ягодку", пока маленькое чудо само не сбегало к менее тактильному деду.

Наталья считала, что Свете не повезло с мужем. Он всё время был в разъездах. И дом, и Милочка, и больная свекровь были на Свете. Когда зять приезжал домой, появлялись какие-то друзья, "ремонт ласточки" в гараже, в который эти друзья без конца приходили-уходили; с дверями этого гаража напротив окон дома и бесконечной музыкой, что проникала с улицы сквозь закрытые окна. Сваха Ксения болела давно, почти не вставала. Наталья не любила приезжать в дом, где живет дочь, не любила запах, обстановку самого дома, разговоры о болезнях свахи, лекарствах и её вечно плохом самочувствии. Наталья не была особо близка с дочерью, поэтому не знала как у них там с зятем – живут, да и ладно!

Младшая дочь Иринка, в отличие от старшей сестры была похожа на саму Наталью. И, сама того не осознавая, мать любила младшую дочь больше. Иринка, студентка филфака, жила со своим парнем в съёмной квартире. Мать не лезла к ним, не ездила, и с советами не мешала. "Дело молодое. Понятно. Любовь." – думала она. Но теперь появилась куча свободного времени и его надо было куда-то девать.

И вот, она идёт с рюкзаком за спиной, что с каждым шагом становится всё тяжелее, отбиваясь от насекомых, почти не чувствуя ног, в так называемый "поход".

Наталья не заметила, что потихоньку стала отставать от группы с каждым шагом всё больше и больше.

Впереди, в пролеске, она увидела бревенчатый остов дома. Ну, как дома – возможно в прошлом-позапрошлом веке это был охотничий домик какого-нибудь местного барина. Доковыляв, она сняла рюкзак и присела на угол старого сруба, отдышалась, обмахиваясь шляпой. Достала телефон, чтобы позвонить gidу, увидела, что нет связи.

– Как бы я хотела, чтоб это был мой дом! И в нём была моя кровать! Чтобы отдохнуть и никуда больше не идти! – сказала женщина вслух.

Она вздохнула, закинув рюкзак на плечо и поплелась в сторону, куда, предположительно, ушла её группа. Прошагав ещё километра два, Наталья увидела в пролеске дом, чему несказанно обрадовалась. Двор был огорожен ивовым плетнём, позади виднелись какие-то постройки. Наталья постучала в дверь, ей никто не ответил. Тогда она потянула за кольцо, что было вместо ручки, и тяжёлая дверь легко поддалась.

– А чего вы стучите в свой собственный дом?

Наталья подпрыгнула на голос, раздавшийся сзади. С той стороны на плетень влез, облокотившись об него руками, мальчишка лет восьми со светлыми весёлыми глазами и выбеленными солнцем волосами.

– С чего ты взял, что это мой дом?

– Ну, так, а чей же? Вы такая смешная сегодня, – мальчишка состроил гримасу.

– Тебя как зовут?

– Так, Санька же! – мальчишка выглядел удивлённым.

Наталья подумала, что пацанёнок "с приветом", хотя с виду адекватный и на вопросы связно отвечает.

– Сашенька, а ты можешь меня вывести на станцию? Или в деревню? Я заплачу!

– Какая такая станция? Вы чего придумываете?

Мальчишка прыснул, увидев, как она достаёт деньги:

– Зачем тут ваши бумажки?

– Сашенька, а давай ты меня в деревню отведёшь? – она пыталась с ним разговаривать спокойно, хотя внутри всё кипело. – Я устала и хочу уехать домой.

– Так тут ваш дом, тётъ Наташ, вы бы Зорьку подоили, мычит там стоит.

Вдруг лицо мальчишки изумлённо вытянулось, глаза расширились, и он, спрыгнув с плетня, побежал вокруг него, мелькала лишь его белобрысая макушка:

– Я понял! Вы в доме первый раз не остались! Вы второй раз пришли! Не в том дне вы! Извините, тётъ Наташ! А я, дурак...

Чего уж он там дурак, Наталья уже не слышала. Зато она чётко помнила, что не говорила мальчишке своего имени. Ну конечно, поди гиды так развлекаются! Попрятались за деревьями и смеются над ней, дурой, в кулак. Остроты впечатлений отстающему нагоняют и остальным развлечение.

– Дима! Славик! – закричала она со всей мочи. – Всё это смешно, но пора заканчивать этот балаган!

Ответом ей была тишина. Опять взглянув на экран телефона, Наталья не увидела значок связи. Грустно вздохнув, снова закинула потяжелевший рюкзак на плечо и поплелась в сторону, куда удрал пацан. Ни дорожки, не тропинки.

Прошагав ещё пару километров на морально-волевых, Наталья опять увидела в пролеске дом: "Да что за издевательство?" Но сил больше не было и, еле доковыляв, Наталья без стеснения потянула за кольцо. Дверь в сени открылась, на обувной полке стояли женские резиновые сапоги, висел дождевик и лёгкая куртка невообразимого цвета – синяя в красный цветочек. Дверь, ведущая в дом, была открыта.

– Хозяева! Есть кто?

В доме была тишина. Наталья разулась, прошла в комнату. Села на лавку у стола, сняла рюкзак. Наглеть не стала, на хозяйскую кровать не легла, кое-как устроилась на широкой лавке, вытянув ноги и расслабив спину.

Сон был странным: снилась бабушка, баба Фрося.

– Ну и как тебе дом, Таточка?

– Дом как дом. Что мне до него? Бабанька, я домой хочу! Помогите, а?

– Таточка, дитяtko, так ты дома! – бабушка хитро смотрела своими глазками-василёчками. – Ты же мечтала о своём доме, чтобы никто тебе не мешал. Банька, коровка, цветочки в маленьком садике. Всё уже готово! Вот если бы сразу осталась, сама б сажала. А так – ты сильно хотела, всё само собой для тебя сделалось, всё готово – принимай, живи!

– Ну какой – живи, ба?! Мне домой надо. У меня муж, девчонки мои, Милочка.

– Ну ты б сказала, что к мужу хочешь, уже б давно там была. А то: домой хочу, домой хочу. Ты попроси вон, хоть Саньку, он тебя и выведет. Только Зорьку подои, весь день тебя ждёт, вымя разрывается. Санька с Зорькой не справится. Да телиться ей скоро.

Наталья только рот открыла возразить хотела: "Какая Зорька, причём тут вымя?! Какое подои?!"

Она проснулась, как от толчка. Села на лавке, спросонья не поняв сразу, где она находится. Повернув голову, посмотрела в окно. Прямо через стекло на неё, не отрываясь, жуя свою вечную жвачку, смотрела корова. Наталья подпрыгнула, схватила рюкзак и выскочила на улицу. Ей в ноги бросилась черная кошечка, начала кружить, приласкиваясь. Наталья замерла, ей вспомнился её сон. И бабушка, и её наказания.

– Это – Зорька значит. А ты ? – женщина нагнулась, взяла кошку на руки, начала её гладить. – Вот приснится же такое! Где хозяйка ваша, звери? – обратилась она к кошке. Та лишь заурчала, уstraиваясь у Натальи на руках.

Солнце почти опустилось за кромку леса, удлинлись тени, стал опускаться туман.

Наталье стало очень и очень не по себе.

– Санечка! – позвала она в пустоту. – Саня!

Лес стоял недвижим, опустилась прохлада и потянуло сыростью. Корова издала протяжное: "Мууу", напоминая, что её нужно подоить.

– Да где ж твоя хозяйка неразумная шастает, а? – Наталье стало жаль бедное животное и она вошла в дом в поисках ведра, полотенца, скамеечки и воды для обмывания вымени.

В сарайке стояли свечки и лежали спички. Зорька послушно стояла, не мешая себя доить. Наталья вспомнила, как баба Фрося учила её доить их корову, Марту.

Сначала, с непривычки, было тяжело – руки устали, пальцы начало сводить, но Наталья справилась. Унесла молоко в дом, вернулась, чтоб налить корове воды и кинуть свежего сена.

Когда женщина подходила к дому, увидела в окнах свет. В доме на широкой лавке за столом сидел Санька, макал горбушку хлеба в миску с молоком и с хлопом втягивал в себя.

– Санька! Ты откуда взялся? – Наталье враз стало так спокойно, так уютно. – Ты, кстати, не знаешь, где хозяйка ходит? Уже почти ночь!

Санька не отрывался от своего занятия, молоко текло по худеньким кистям, до локтей.

– Тётъ Наташ, да как вы не поймёте, что это – ваш дом?! Вы вон, давеча, на комаров жаловались, так нет их больше. Дом хотели? Получите! Корову хотели? Есть! – Санька облизывал свои руки. – Вон и Мурка голодная есть!

Словно в подтверждение, в ногах опять заласкалась кошка, мяукая от голода, выпрашивая молока. Наталья опустила на неё потрясённый взгляд и, не шевелясь, долго на неё смотрела.

– Саня, – позвала она тихонько.

– А? – мальчишка с самым серьёзным видом наливал себе в миску ещё молока. – Чего?

– Сань, отведи меня завтра на станцию пожалуйста, – Наталья говорила почти шёпотом, боясь, что если Саня сейчас откажет или скажет очередную шутку про "её" дом, она не сдержится и наорёт на пацана.

– Ладно, – легко согласился он. – Надо, значит – надо. Я тогда сегодня у вас переночую, хорошо? Зорьку уже запускать будем, легче будет. Мальчишка встал, вымыл руки под умывальником, налил в блюдце молока и дал кошке.

– Тётъ Наташ, вы молоко-то хоть в банку слейте, да в погреб спустим, а утром с собой возьмёте.

Наталья, как сомнамбула, взяла с окошка банку, слила молоко и Санька умчал в сени, там слез в погреб.

– Я спать на печку залезу, мешать не буду, – откуда-то издалека она слышала его голосок.

– А дома тебя не потеряют? – спросила его.

– Да нее! Я ж тут везде свой! Сама, тем временем, оглядела единственную кровать: "Будет ли уместно, если я в неё лягу спать?"

Кровать была не застелена, новое бельё лежало тут же, стопкой.

Опять снилась баба Фрося:

– Ты, миленькая, когда другой раз придёшь, посуды принеси какой, да тюли новые повесь, а то эти совсем старые.

– Бабуль, а зачем мне приходиться сюда? Завтра уеду и поминай, как звали.

– А ты, миленькая, подумай хорошо – такой подарок тебе достался: дом в тиши лесной. Сначала мне, теперь тебе.

– А от кого?

– Да поди знай! Барин богатый этой землёй владел, у него такой, как мы, Видящий, вроде егеря был. Он на охоте того барина спас, когда на него кабан-подранок кинулся, так барин одарить хотел, а егерь-то и сказал: "А отдай ты мне, батюшка, тот кусок земли, где с кабанчиком мы встретились." Так что земля по праву Видящим принадлежит, за жизнь спасённую дадена, жизнью другой оплачена – земля жертву кровью кабанчика взяла, теперь нам, ведуньям и служит. Так что, прежде чем отказаться, подумай, дитятко: дом твой, кусок земли твой, он и исцелит и излечит раны душевные и раны телесные. Дочки твои – не наши они, а вот Миланья – такая, как мы – Видящая. После тебя ей всё перейдёт, если захочешь оставить, что ты сохранишь да приумножишь, а нет – так сама и останешься хозяйкой дома в лесу.

Ранним утром Санька разбудил её, едва только сошёл ночной туман. Подоив Зорьку, Наталья погладила коровку по круглым бокам:

– Ну что, родимая, недолго ходить осталось? С месяц, наверное, да?

Корова ответила протяжным "Мууу". Мурка выпросила в миску парного молока. Наталья налила побольше, до прихода хозяйки. Санька уже вывел корову с сарайки, увести пастись в лес. Наталья прибрала посуду, вытерла со стола крошки и, выйдя из сеней, тихонько прикрыла за собой дверь.

Выйдя за плетень, несколько раз обернулась на избушку – такой она ей показалась родной и уютной. Поймала себя на мысли, что и правда отдохнула от города, от людей, от суматохи. А вот и Санька!

– Ну что, идём? – маленький сорванец был сегодня серьёзен. С его плеча съехала потрёпанная рубашечка и Наталья увидела старый некрасивый шрам.

– Санечка, что это, миленький? – ужаснулась она.

Саня быстро поправил рубашечку:

– Ой, тётъ Наташ, да зажило уже! Пошлите, торопиться надо!

Дойдя до окраины леса, Санька худенькой рукой показал направление:

– С километр прямо пойдёте, там и станция будет.

– А ты, что ль, не пойдёшь меня провожать? – Наталья вдруг поняла, что за такое короткое время мальчонка стал ей дорог. Этаким маленьким взрослым – строгим и серьёзным помощником.

– Не могу я, тётъ Наташ. Я отсюда посмотрю, пока видно будет. А вы в какой день вернуться-то хотите?

– Как понять: в какой?

– Ну сегодня или когда ушли? – мальчишка смотрел на неё своими хитрыми глазами из под выжженной солнцем челки.

– Да сегодня, – Наталья усмехнулась, – разве что-то можно изменить?

– Ну, а если можно было бы? Вы б что выбрали? – не унимался мальчишка.

– Санечка, к чему эти разговоры? Вот сейчас и поеду!

Наталья повернулась к мальчонке, порывисто обняла его:

– Береги себя, Санька!

И пошла по тропинке, что вывела её к станции. Она несколько раз оборачивалась и махала Саньке, что стоял, улыбаясь, у крайних деревьев и махал ей в ответ.

На секунду будто взгляд расфокусировался, как пленку сморгнула, повернулась – мальчонки нет уже.

Утренняя электричка была полна народу, смешанным запахом духов, перегара, пота, невыполосканным ароматом порошка и табачного дыма.

Открыв своими ключами дверь, она тихонько переступила порог, аккуратно поставив рюкзак, чтобы не разлить банку с Зорькиным молоком. Наталья услышала нервный голос мужа (он же должен быть на работе), плачущую младшую дочь и Свету, говорящую по телефону с какой-то больницей. Наталья вошла в зал:

– Что здесь происходит?

– Мама! – Иришка первой бросилась матери на шею и залилась горячими слезами.– Мамочка! Ты где была?!

Светка с телефоном в руках так и осела молча на ручку кресла, а муж взъерошил волосы:

– Ну, знаешь! Это безответственно! Думаешь только о себе! – начал кричать он. – Неужели нельзя было позвонить? Предупредить! Мы все больницы... все морги... а она!!!

– А что я? Ты был бы рад найти меня в больнице? Или лучше в морге? – спокойно спросила Наталья. – Связи в лесу не было. А потом телефон разрядился. Заблудилась я. В лесном домике ночевала, мальчишка меня вывел.

– Какой домик, какой мальчишка, ты себя слышишь? – муж не унимался. – Нашла себе кого-то? Так и скажи! А то придумала: поход! Сиди дома и пеки пироги! Нечего замужней бабе шастать, где попало!

Муж ушел, хлопнув дверью.

– Да, мам, ты того, этого, как-то пятую точку свою прижми, – начала Светка, – мне свекрови с её болезнями хватает, теперь этот твой закидон...

– Знаешь, доча, езжай-ка ты домой, к своей любимой, вечно болящей свекрови, к своему развеселому мужу, которому его маменька не нужна, скинул все заботы на тебя-дурочку. Езжай. Они без тебя не смогут, а я вот без твоих нотаций как-нибудь, да проживу.

Светка молча положила телефон в сумку, перекинула ремень через плечо и, обогнув мать со всхлипывающей Ирой на шее, вышла в прихожую. Скоро раздался звук захлопываемой двери.

– Ириш, ну чего ты рассопливилась? А? Девочка ты моя! – Наталья убрала волосы с лица заплаканной дочери. – Давай, ты чайник поставь, я в душ и поболтаем, а? Иришка кивнула, соглашаясь, и поплелась, шмыгая, на кухню.

Две с лишним недели муж не разговаривал с Натальей от слова "совсем". Она старалась: пироги, блины, чистые сорочки, стрелки на брюках...

А на третью субботу был её сорок пятый день рождения. Как бы не круглый, но юбилей. С утра, закрутившись на кухне, Наталья не слышала, как ушёл муж. Не поздоровался, не поздравил, не попрощался. К обеду пришли дочери со своими половинками, да соседка Таня. Давняя подружка Алла не смогла отчего-то прийти, отговорившись глупостью. Милочка принесла каракули цветными карандашами на бумажке в подарок. Дочь Света подарила новые шторы и тюль. Какая-то искра-воспоминание пронзило Наталью: "тюль новый"...

Иришка с другом купили чайный сервиз в подарок, соседка подарила большой отрез дорогой ткани. Муж так и не пришёл, сердце щемило от несправедливой обиды, но Наталья

улыбалась гостям. Ближе к вечеру, когда соседка ушла, девчонки перемывали посуду, мужики курили на балконе, Милочка что-то рисовала в зале на полу.

– Ягодка моя, что же ты рисуешь? – Наталья вошла в зал с тарелками в руках, чтобы убрать их в шкаф за стекло.

– Это киса, – Милочка высунула даже язык от усердия.

– А это – такое большое?

– А это – какова! Баба, ты когда в лес вейнёшься? Санька Зойку не вы-да-ит!

Наталья замерла с тарелками в руках, медленно обернувшись на Милу.

– А есё он казал, что ей телиться скова. Када ты пйдёсь?

Наталья поставила тарелки на стол, медленно опустилась на стул.

– Милочка, – попыталась спросить она спокойным голосом, хотя внутри кружил ураган из мыслей, эмоций, чувств, – а ты про Саньку откуда знаешь?

– Видела.

– А ты его где видела? – Наталья вспомнила сон, в котором баба Фрося назвала Милочку такой же Видящей, как и они.

– Аа... там, – Милочка махнула рукой в сторону зеркала.

Наталья больше ничего не успела спросить, грохнула входная дверь, ввалился пьяный муж и с порога начал орать:

– Что, верная жена, именины устраиваешь? И не стыдно тебе, потаскуха?!

– Папа! – с кухни выскочила первой Света. – Что ты такое говоришь??

Услышав шум, с балкона зашли зятя.

– А что? Она вам так и не рассказала, как с любовничком своим кувыркалась по всему лесу?! Хорошо придумала мне рога наставлять, да?? – Игорь впервые в жизни замахнулся, Иришка оттолкнула отца, Наталья стояла не шевелясь, даже и не думая защищаться. Только молча смотрела на мужа.

– Да папа, что происходит?! – Иришка уже всхлипывала, её друг, Никита, стоял между Игорем и Натальей, успокаивая будущего тестя.

– А то, что эта сука даже не скрывается! Во сне ему шепчет: "Санечка, миленький, я приду, приду!" – муж коверкал пьяный язык. Наталья вспомнила, что за эту неделю ей действительно снился Санька. Ей снилось, что она покупала ему новую рубашечку.

Все обернулись на Наталью.

– Мама? – Светка повернула к ней изумлённое лицо. – Это правда?

– А правда! – не выдержала Наталья. – Только Саньке восемь лет, придурок!

– Врёшь! Врёшь! – Игорь вырывался из рук зятя, стараясь крикнуть ей в лицо. – Но мне всё равно, слышишь, всё равно! Катись на все четыре стороны! Как давно я этого ждал! – Игорь был настолько пьян, что даже глаза не смотрели в одну точку. – Катись! Слышишь? Это моя квартира! Я всю жизнь Алку любил, всю жизнь к ней от тебя, дуры, бегал! Женился на тебе, чтоб не посадила, когда я тебя на машине сбил! А ты, дура, сразу и забеременела! И то – не факт, что от меня! Вон, Светка на меня совсем не похожа! Так что всё! Давай, катись! Алка завтра сюда переедет! А твоего духу чтоб не было! – Игорь ещё что-то кричал, Наталья не слушала. Для неё сошёлся весь пазл, что она не желала видеть, будто она, вдруг, одела на слепые глаза очки. И его длительные командировки, и холодность в постели, и аромат духов на рубашках, и следы помады...

– Ну всё. Хватит, – сказала тихонько Наталья. Она прошла в спальню, достала из-под кровати чемодан и большую дорожную сумку на колесиках. Сгребла в чемодан все свои вещи с полок, смахнула всё с трюмо.

– В ванной собери всё моё, – сказала ровным голосом вошедшей младшей дочери.

– Света, бери Милочку, все мои подарки и спускайся к машине, подкинете меня.

Хорошо, что зятя уволокли Игоря в зал, пытаюсь упокоить, но Наталья чётко слышала фразы: "Пусть катится, шлюха", "Алку люблю".

Взяла два комплекта постельного белья, пару полотенец, аптечку, своё вязание, на кухне в сумку собрала немного посуды: казанок, сковородку, кастрюльку, пару ложек, вилок, нож и кружки. Достала старенький, обычный чайник. Запихала принесенный Ирой пакет с банными принадлежностями. Сверху сложила контейнеры с оставшимися салатами, курицей, картошкой. В прихожей взяла кроссовки, легкие тапочки, теплый кардиган. Повязала на шею платок.

– Ну вот и всё. Если сможешь, потом и остальное моё заberi. – сказала молча смотревшей на неё дочери. – Я больше не вернусь сюда.

Взяла сумку и вышла из квартиры, где прожила почти двадцать семь своих лет.

Минут через пять вышли Ира с Никитой, который нёс Натальин чемодан. Ира расплакалась у матери на груди:

– Тише, дорогая, нечего людей ещё больше смешить. Итак смешные... Вы не обижайтесь, что вам всё это увидеть пришлось. Но так даже лучше. Идите домой, всё будет хорошо, – Наталья ласково провела по щеке дочери. – Иди. Я напишу.

Вышел муж Светы, потирая правый кулак. Молча сел за руль, завёл машину. Наталья села назад, где сидела Света с Милочкой на руках.

– Мам, ты же не к нам собралась? У нас места мало, да и мама больная...

"Мама", – слово больно задело Наталью. – "Она – ей мама."

– Нет, дорогая, не бойтесь, – последнее слово было обращено к зятю, чьи плечи опустились и руки расслабились на руле. – Вы меня до вокзала подкиньте. Я к тётке Тане уеду. Только у магазина останови, торт хочу купить.

Зять остановил у магазина, вышел за тортом, Света повернулась к матери:

– Мама, ты же не поедешь к тётке Тане? Ты, действительно, собралась жить в лесу? Ты сошла с ума, мама? – Света была раздражена всем сегодняшним днём, всем произошедшим. Теперь не у кого ей брать деньги "взаймы" без отдачи, теперь придется самой покупать Милочке одежду и сладости, оплачивать частный детский сад. Где брать деньги себе на маникюр и на бассейн? Кто будет сидеть с дочкой по выходным, когда Света шопится с подружками? Да и на что теперь шопиться? Мать давала всегда со словами: "Себя надо любить, девочка моя, – это тебе на трусички-бусики." Она сама меня к этому приучила, как я теперь жить буду? Так хоть в выходной прошвырнуться по торговому центру, посидеть с десертом в кафе, стреляя глазками в парней, получая взгляды в ответ, почувствовать себя привлекательной женщиной, купить хоть маленькую, но вещичку, поднять себе настроение. Да и к любимому мужчине неохота идти не в обновках. А теперь? Идти к отцу на поклон? А что, если, и правда он ей не отец? А если он, как обещал, приведет другую женщину, с ними он как будет общаться? Мать, дура, отца не удержала, на старости всё разрушила, потерпеть не могла. Долго там ему гулять осталось? Ему же пятьдесят! Он же старик совсем! Как я теперь буду жить??

Когда зять вернулся в машину, он сразу почувствовал холод со стороны жены к тётке. Но промолчал, не собираясь даже и спрашивать.

– Милочка, пойдй к бабе на ручки, – позвала Наталья внучку. – Смотри, что у бабы для тебя есть, – она достала из пакета куклу, что забыла отдать ещё дома.

Милочка поцеловала бабушку и занялась куклой, удобно устроившись у Натальи на коленях. Света дёрнулась, сложила руки на груди, отвернулась к окну. Зять смотрел на дорогу и молчал.

На вокзале Света не вышла провожать мать. Наталья нагнулась и прямо в машине чмокнула дочь в подставленную щёку, Милочку взяла на руки, нежно обняла, прижавшись своей щекой к щеке внучки. Торопливо поцеловав, хотела передать Свете, но Милочка, крепко обняв бабушку за шею, прошептала ей в ухо:

– Бабулицька, ты не скуцяй, в зелкале на меня сматли, меня зави, я плиду. Халасо? – Мила смотрела на бабушку совсем не детскими глазами.

– Хорошо, милая. Сейчас зеркало куплю на вокзале.

– Не надо на вакзале, ты Саньке скажи, он плинесёт какое надо. А кавовку Ноцькай назови!

Наталья крепко обняла внучку, поцеловала и отдала Свете, закрыв дверь "ласточки". Зять уже вытащил чемоданы и пошёл впереди в сторону вокзала.

По расписанию, нужная электричка была через полчаса. Зять поставил чемоданы на пол, повернувшись к Наталье, сказал:

– Вы, мама, не обижайтесь. Свете просто тяжело со всеми нами. Я про вас не верю. И тестя не прощу.

У Натальи навернулись слёзы:

– Ты впервые назвал меня мамой.

Зять коротко обнял её:

– Удачи вам. И если нужна будет помощь, звоните, мама.

И, будто устыдившись своих слов, быстро развернулся и ушёл в сторону выхода.

Сердобольные мужички помогли Наталье погрузиться в вагон. Через два часа она уже стояла на знакомом перроне с облупленной зелёной краской на поручнях. Сойдя по ступеням, она поплелась, таща в обеих руках ручки от чемодана и сумки по узкой тропинке, что, вилляя, убегала в сторону леса.

Недалеко от крайних деревьев опять произошла какая-то ерунда со зрением: лес будто на секунду отодвинулся, потом вернулся назад.

Солнце уже село, и, если на станции было ещё светло, в лесу была, практически, темнота. Наталья выбрала примерное направление по памяти и отправилась искать "свой" дом. Шла она не долго, когда справа оказалась та самая речушка, да только воды в ней было в разы больше. Ещё минут через двадцать ходьбы она увидела огонёк в окошке избушки, что как маленький маячок освещал её сердцу дорогу.

Ещё не дойдя до плетня, она услышала протяжное мычание коровы и Санькин голосок, хвляющий Зорьку:

– Ну, милая! Молодец, хорошая!

Наталья вошла в сарай и увидела, как Зорька вылизывает черного теленочка. Санька будто и не удивился приходу Натальи:

– Тёлочка, тётъ Наташ! Молока теперь от двух коров будет!

Наталья усмехнулась:

– Куда тебе от двух? От одной бы выпить!

– Так детдомовским можно отдавать! Они ж вечно голодные!

– Тут детдом рядом? Или на каникулы приехали? – удивилась Наталья.

– Ну, типа того, – Санька отчего-то засмушался.

– В любом случае, Сань, – это не скоро. Мы сейчас Ночку поить будем, чтоб окрепла, а потом уж и видно будет. А сейчас надо корове воды соленой дать. В доме есть соль?

– Ага! – Санька тут-же умчался.

Она принесла два ведёрка воды с колодца, Санька намешал туда соли.

– Санечка, ты спи иди, а я тут сама дальше.

– Не, тётъ Наташ, я с вами!

Когда смогли оставить Зорьку с теленком, пошли в дом, уставшие, но счастливые.

– Сань, у меня тут торт к чаю. День Рождения у меня сегодня был. Ну, уже вчера. На утро оставим или сегодня попробуем?

У Саньки глаза были как два больших блюда:

– Торт?! Прямо настоящий??

– У вас что, в деревне тортов не продают? Ты так удивляешься. Ты, вообще, кстати, с какой деревни-то?

Санька отвел глаза.

– А знаете, тетя Наташ, я, наверное, спать пойду. Вставать надо скоро, Зорьку продоить.

– Так! Стоять! Что-то, друг мой, ты хитришь! Ты из дома, что ли, сбежал? Что за шрам на плече у тебя? Тебя бьют, что ли, дома? – Наталья пристально смотрела на мальчугана, тот молчал, с серьёзным лицом смотря через всю комнату в окно.

– Саня, я ведь и в деревню твою сходить могу. И спросить могу. И в органы опеки позвоню.

– Не можете, – одними губами прошептал Санька.

– Вот сейчас не поняла?!

– Без меня не сможете. Пока.

– С этого места поподробнее, пожалуйста.

– Вы, тетя Наташ, торт обещали! С днем рождения! Вот!

– Хорошо, продолжим разговор завтра. А сейчас будем есть торт! Спасибо за поздравление.

Санька оживился, подпрыгнул, принёс старые, сколотые блюда.

– Ну, нет, Саша, мы будем пить чай из нового сервиза.

Наталья достала чайник, поставила его на плиту. Нашла в сумке ложки, вилки, нож для торта. Распечатала новый, покрытый золотой краской сервиз, в котором отражалось Санькино изумлённое лицо. Вымыв пару чашек с блюдами из нового сервиза, заварила ароматный чай в найденном на полке заварнике. Санька ревниво следил за нарезанием "Птичьего молока". Дрожащими руками взял кусочек на вилку, отправил его в рот и с наслаждением закрыл глаза. Наталью так умилила эта сцена, что она тепло засмеялась:

– Санька, ты сейчас выглядишь как кот перед миской сметаны! Ешь, помощничек, я тебе ещё отрежу, – она потрепала белокрысы чуб.

Санька уже откровенно клевал носом, но упорно продолжал смаковать сладкое угощение.

"Ну и не мудрено, такой маленький, а отёл сам принял. Одно слово – деревенский". Наталья вытерла рот и руки малыцу и кое-как переложила его на кровать. Сама убрала посуду, остаток торта снесла в погреб, села у окна – сон не шёл.

– Да... длинный у меня сегодня выдался денёк, – сказала она самой себе. – С утра ещё жила в городской квартире, собирала стол для своих детей и мужа, а сейчас Бог весть где – в заброшенном доме посреди ночного леса укладываю чужого мальчишку спать...

Наталье на секунду стало жутко. И Мурка, почуяв такое её паническое настроение, прыгнула сначала на лавку, а потом и аккуратно влезла на руки новоиспечённой хозяйке и, замурчав, устроилась.

Только забрезжил рассвет, Наталья подняла голову от стола, за которым, как оказалось, уснула. Санька спал, раскинувшись по всей кровати. Наталья аккуратно расстегнула верхнюю пуговку давно заношенной рубашечки и увидела тот старый жуткий шрам. И ещё один. И ещё. Она закрыла себе рот рукой, чтобы не вскрикнуть, не разбудить мальчишку. Тихонько прикрыв за собой дверь в сени, она вышла проведать Зорьку с теленком. По щекам катились солёные слёзы: "Кто мог так издеваться над ребенком?! Это изверги какие должны быть! Мне всё же надо сходить в его деревню. Узнать – что там да как."

Когда Наталья вернулась в дом, Саньки уже и след простыл.

– Вот пострелёнок! – усмехнулась Наталья. – Ничего, вернёшься ты. Я с тебя всё вытрясу! Как пить дать вернёшься – торт-то остался недоеденным!

Весь день Наталья занималась обустройством дома: разбирала чемоданы, вымыла окна, повесила новые шторы, вымыла шкафчики и расставила свою посуду. Навела порядок в

баньке. Осмотрела свои владенья, подумала, что не поздно посадить зелень, редиску и цветы. Несколько раз заходила в сарайку, налить корове воды и дать подсохшей травы, что, видимо, Санька вчера натаскал; сменила подстилку. А к вечеру увидела, как телочка встала на ножки и уже бодро рассасывала мать. И всюду за Натальей, как привязанная, путаясь в ногах, ходила кошка, своим мурчанием вселяя в неё спокойствие и, будто, одобряя её действия. Этой ночью опять приснилась бабушка:

– Здравствуй Таточка, здравствуй дитятко. Смотрю – обустройстваешься. Умница. Скоро сила в тебе наша проснётся, а дремлет долго от того, что ты отмахивалась от неё, не принимала. Проще тебе здесь будет. С Санькой ходить сможешь, людям помогать. В этом и есть её предназначение – отдавать. И чем больше отдашь, тем больше получишь. Раньше я тебя позвать не могла, а как в твоей судьбе все долги стали разданы: детей вырастила, мужа отпустила, миру тому стала ничего не должна и он тебе не должен, так и внутрь себя время нашла заглянуть, так сила и начала пробуждаться, так ты сюда и пришла.

– Я случайно сюда пришла, ба! – возразила Наталья.

– Ой ли? – лукаво глянула бабушка. – В свою силу как войдёшь, её используй, Саньку береги. Он один, а всех вон как много!

Наталья проснулась от того, что кто-то потряхивал её за плечо. Открыв глаза, увидела Саньку.

– Теть Наташ, а торт ещё остался? – прошептал он.

– Так и знала, что не сможешь не прийти, пока не доешь, – Наталья усмехнулась, вставая. – Иди в холодном возьми.

Саня упрыгал в погреб.

Когда был разлит по кружкам ароматный чай и два огромных куска торта перекочевали к Саньке в тарелку, Наталья спросила у мальчика:

– Сань, может поговорим?

Саня вздохнул, отложил ложечку, потупив глаза.

– Теть Наташ, мы поговорим. Но разве сегодня вы уже готовы? Вы ещё ждёте, что муж за вами приедет, что дочки к себе позовут. А вы тут должны быть ВСЯ!

– Я не жду, Санечка, – вздохнула Наталья. – Ничего я уже не жду, – добавила тихо она. – Я вся здесь.

Наталья отвернулась к окну, чтобы Саня не увидел её слёз.

– Мне только видеть хоть издали их нужно, хоть изредка: Свету с Милой и Иришку. Знать, что они счастливы.

– Ну это дело решимое, я вам зеркало принесу.

– Что же там за зеркало такое волшебное? Вот давай завтра вместе и сходим за твоим чудо-зеркалом. Там и увидим – могу ли я в деревню ходить.

Санька только вздохнул на это. – А теперь давай по-хорошему знакомиться. Меня зовут Наталья Николаевна Яганова. – когда Наталья произносила свою фамилию, кошка прыгнула, начала взбираться по подолу халата и получилось: Яга-нова.

– Яга! – засмеялся Санька. – Ну как есть – Яга! Живёте в домике в лесу и кошка у вас есть чёрная! А ещё травы будем собирать и сушить, чтоб наверняка! – Санька уже смеялся в голос, похрюкивая. Наталья тоже развеселилась.

– Ну а ты, Саш? – спросила она, отсмеявшись. – Расскажи о себе.

– Я – Санька.

– Просто Санька? И всё?

– Ну да, Санька. И всё.

– Так ты где живёшь, с кем?

– А ни с кем я не живу, теть Наташа, и искать меня некому. Вот и вся правда.

– Ты детдомовский что ли, Сань? – Наталье стало неловко, будто она допрашивает мальчишку.

– Нет, не детдомовский. Местный я. Людям помогаю, за то и кормят.

– А как же органы опеки? Куда смотрят?

– Да нет тут такого, тёть Наташ, деревни кругом – глушь! Ладно, побегу я, мне ещё надо баб Тоне из Осиповки забор починить да деду Семёну из Тараевки помочь дрова складывать, он сегодня рубить собирался. А завтра, если будете готовы, отведу вас за зеркалом в одно место.

Санька удрал. Наталья достала свой телефон, включила. Связи, как и ожидалось, не было. Но гугл карты показывали названия на карте и без интернета. Ну не было на карте названий таких деревень рядом! Не бы-ло! Там, где станция – Ивеевка, дальше, километров через пятьдесят только Смородино. В правую сторону от станции сначала идёт грунтовка, вдоль которой пару сёл: Свиреповка и Нуждино, потом она вливается в трассу и до самого города ничего нет. А в левую сторону, за рельсами – лес непроходимый. То ли дурит её пацан, то ли что происходит – вообще непонятно.

До самого вечера Наталья нашла себе кучу дел: занималась коровой и маленькой тёлочкой. Кормила, убирала, носила воды. Осмотрела свой огородик, инвентарь, затопила баньку. И как-то закрутилась, и только к вечеру поняла, что устала. И тут же пришло понимание: она полностью приняла, что это – её дом, что она тут хозяйка. Поняла, что не скучает за человеком, которого почти двадцать семь лет считала любимым мужем, ни обид нет на него, ни иных чувств. Не скучает за дочками, потому, как дочери выбрали свой путь, спутников себе. Милочка только. И то маленькая внучка наказала не скучать! Наталья стряхнула накатившую было хандру, прибрала за собой посуду, расстелила постель, в которую тут же прыгнула Мурка, и легла спать, погасив свет. Откуда здесь свет, она ещё спросит у Саньки, а сегодня – спать!

Санька появился ближе к обеду, таща полную корзину яблок:

– Вот! Насушим и зимой будем компот варить или менять на что-нибудь!

– А как тут зимой жить? – Наталья не думала об этом раньше и теперь ей стало страшно. – Занесёт ведь по самую крышу! Мне коров в дом что ли брать?

Сашка опять улыбался:

– Вот скажете: занесёт! –

И занесёт! А скажете, как тем комарам, чтоб не доставали, так над вашим двором и снежинки не упадёт! Вы ж – хозяйка!

Наталья остолбенело уставилась на ухмыляющегося мальчишку:

– Ты шутишь сейчас?

– Да какие шутки, тёть Наташ? – пропыхтел мальчишка, затаскивая корзину в дом. – Ваш дом, вам и решать!

Он поставил корзину на лавку, плюхнулся рядом:

– Вот, баб Тоня яблок дала за помощь. Говорит: Спас яблочный нынче. Там делов-то было – два гвоздя прибить.

– Какой Спас, Сань, май же?!

Наталья села от него по другую сторону стола:

– Ты мне подробней объясни про дом, пожалуйста.

– Ну что тут объяснять? Ну вот, смотрите, – Санька взял из корзины яблоко, положил на стол, – это ваш дом, – сверху накрыл яблоко перевернутой чашкой: – Это ваша земля вокруг дома, внутри плетня. А всё вокруг – лес. Дом – это как бы... дом. Вы тут хозяйка, а лес... ну он – лес. Там свои законы. Через лес можно выходить куда угодно, вы пока не умеете. – Санька поднял на Наталью свои большие ясные глаза, ожидая реакции.

Наталья сидела, переваривая сказанное. Ей, человеку из обычного мира, где от точки А до точки Б люди передвигаются автобусами, машинами, поездами, самолётами, трудно было

вообразить, что может быть как-то иначе. Но внутри она верила Саньке. Как-то сразу приняла это как данность.

– Сань, а баба Тоня где живёт?

– Так в Осиповке.

– А Осиповка вообще где?

– Не знаю, – пожал плечами Санька. – Только у них вчера холодно было, мне баба Тоня платок на плечи накидывала, я как девчонка был.

У Натальи округлились глаза:

– А дед с дровами?

– Дед Семён? Так у него солнце палило, я взмок, пока дрова таскал.

Внутри у неё всё похолодело: "Неужели это всё возможно?"

– Тётя Наташ, да чего вы заморачиваетесь?! Пойдёмте, сами поглядите! Только оденьте что похуже, там, в деревне, так не ходят.

Страх – очень странное, липкое чувство, обволакивающее душу человека, его сознание, не дающее почувствовать радость, счастье в моменте, свободу...

Наталья сжала в руке маленькую ладошку и шагнула на мостик над той самой речушкой. Мост на долю секунды удлинился и резко вернулся назад.

Саня заинтересованно смотрел на неё:

– Вы видите! Дорога – вы видите её! Вы – Видящая!

– Да, не первый раз вижу. Только я не понимаю, что это.

Метров через пять лес резко закончился и путники вышли в солнечный день. Они стояли на краю обрыва, внизу, как на ладони, красовалось большое село. В дальнем конце сияла золочёными куполами церквушка. Вдоль обрыва к селу вела еле заметная тропинка.

– Баба Тоня на окраине живёт. С ней вас познакомлю сначала. – Санька шёл впереди, показывая дорогу. Открыв самую крайнюю, покосившуюся и потемневшую от времени деревянную калитку, Саня шагнул во двор. Мелкая дворняга забрехала на цепи, но увидев знакомого, закрутилась волчком и завиляла свалевшимся в колтуны хвостом. А Наталья уставилась на яблоню, что закрывала своими тяжёлыми, полными плодов ветвями, дом. "Может, сорт ранний", – подумала она.

На покосившееся крылечко выступила обутая в старые калоши старушка, кутаясь в дырявую, скатавшуюся от времени шаль.

– Саня, ты, что ль, пострел?

– Я, баб Тонь. Я не один. Гостью вам привел.

– Гостью? Где ж ты её взял в этой глуши? Проходите в летник, чай ставь.

Старушка еле дошаркала ногами до Натальи, жестом приглашая идти за собой.

– Ну и кто ты будешь, гостья?

Наталья не успела и рта раскрыть, как Санька выпалил:

– А это родственница моя, тётя Наташа!

– Ох, поди ж ты! И кем ты этому пострелу приходишься? – старушка устраивалась за столом.

Наталья растерялась, сказала, первое, что в голову взбрело:

– Дальняя я... родственница.

Я, вообще, пришла поблагодарить за яблоки. Меня Саня угостил. Может вам помощь нужна?

Старушка разливала чай из запареных листьев и веток малины в старенькие, будто самодельные кружки. Достала небольшой кусок сахара, сколола немного с него ножом в блюдце и подвинула гостям. Наталья стянула с себя яркую куртку, взятую в сених, казавшуюся чуждой среди стареньких вещей в доме бабушки.

– Сразу видно – городская, – кивнула та на куртку. – Я от помощи не откажусь. Да пока всё сделано. Спасибо помощничку моему, – старушка потрепала вихрастую Санькину голову. – Дров только заготовить до холодов нужно. А то мужиков в селе нет, все на войну эту проклятую ушли. А ты из эвакуированных?

– Нет, я сама сюда приехала. Война от нас далеко.

– Война далеко, да ко всем близко. Каждого коснулась, во много домов похоронку принесла...

Посидели, повздыхали...

– Так ты, Наташа, где жить-то будешь? На постое или пустой дом займёшь?

– Да я там, – Наталья махнула неопределённо рукой.

– А то, ко мне давай, одна я. Тоже не местная, хотя давно здесь живу. Было два сыночка, да оба погибли. А муж мой ещё раньше на тот свет отправился. Вон Санька иногда ночует, всё веселей. Да вон, детишек из детского дома сюда свезли, так бегают по дворам, помогают за угощение. А нам, старикам, много ль надо? Покалякали, отвели душеньку.

– Пойдём мы, бабанька, с детдомовскими тётъ Наташу познакомлю.

– Так, нету их, золотой мой, их на сенокос свезли спозаранку. Они для фермы сена заготовят, им зимой молока отпишут. Председатель обещал.

Наталья всплеснула руками:

– Как это? И малышей? На весь день на солнцепёк?

– Странные вещи ты говоришь, Наталья, кто ж им, сиротинушкам поможет, коли не они сами? Война же!

Наталья не стала спорить со старушкой, оставшись при своём мнении. Но в органы опеки у неё появилась наведаться ещё одна причина. На обратном пути домой она молчала, погруженная в свои мысли. Молчал и Саня. Управившись с коровами, Наталья заварила чай, поставив вариться на вечер суп.

– Тётъ Наташ, если хотите, можем завтра к детдомовцам сходить, – тихонько предложил Санька. – Они хорошие! И директриса у них, Мария Петровна – очень хорошая! И нянечки!

Наталья решила, что, действительно, лучше сначала всё своими глазами увидеть, прежде чем жаловаться на содержание детей.

– Хорошо, Сашенька. Давай тогда за твоим волшебным зеркалом сходим, – Наталья до последнего думала, что это Саня какой-нибудь планшет так называет.

Мальчишка посмотрел очень внимательно Наталье в глаза:

– Может, я один схожу?

– Что за секрет такой? Почему не хочешь меня брать?

– Вы только не обижайтесь, тётъ Наташ, да только вы на всё со своего привычного мира смотрите. Никак не поймёте, что я вам пытаюсь сказать.

– Саша, а сколько тебе лет? Семь? Восемь? Ты такие речи взрослые ведёшь.

– Десять мне... – Саня опустил голову на руки.

– Ну, как-то, на десять ты и не выглядишь, – удивилась она.

– Вот я и говорю: вы верите только своим глазам, и внутри вы привязаны к своему миру. Отпустите, забудьте всё, что раньше за правду считали! И тогда я отведу вас за зеркалом! Бабушка ваша, Фрося, смогла бы!

– Моя бабушка?? – Наталья была в шоке. – Моей бабушки нет более пятнадцати лет!

– И что? – Санька глядел строго и серьёзно. – Так же сюда пришла, так же дом принял её. Да только она, в отличие от вас, сразу во всё поверила, в силу вошла и сама смогла ходить куда хотела. И помогала всем сама, и пионы у неё были во – Санька показал рукой по свою тощую грудь. – А я, нет чтоб людям помогать, вам простые вещи донести несколько дней не могу!

У Натальи в голове всё смешалось.

– А пь... пионы здесь причём?

– Да при том! – Санька выглядел огорчённым. – Когда Видящая силу свою принимает, волна силы всегда вокруг неё. У неё и куры по два яйца несут, и дом сам пристраивается и цветы цветут – аж ух! А у вас только и хватает, чтоб вон лампочка горела, да суп на плите сварить. Вам силу осознать надо! Взять её, своей сделать!

– Саша, ты бабушку мою видел? – тихонько спросила Наталья.

– Видел! Вот как вас! И не вру! И Зорька – её королева, я ей просто коридор открыл, как вам тогда, когда вы с вещами вернулись, она и пришла из того дня, когда баба Фрося в мир свой вернулась. А кошка – я не знаю, за Зорькой, видимо, увязалась, я еле коридор удержал, не могу столько, сил одному не хватает.

– А я могу увидеть её? – Наталья затаила дыхание.

– Нет. – Саня помотал головой.

Наталья боялась ответа на свой вопрос, хотя знала ответ:

– Саша, ты ходишь сквозь время?

– Да, – мальчик был спокоен. И его тон не оставлял сомнений, что это не шутка.

– Пошли за зеркалом сейчас! – Наталья резко встала, полная решимости, выключила плиту.

– Как мой внешний вид? Сойдёт? Так ходят за волшебным зеркалом?

– Улёт! – Санька, смеясь, поднял вверх палец.

Выйдя за плетень, Наталья было направилась в сторону речки, но Саня окликнул её:

– Нам в другую сторону совсем!

Они прошли не более трёхсот метров, когда прямо на пути встал огромный камень, больше, чем в человеческий рост. Наталья собралась обогнуть его, но Саня вложил свою ладошку в её руку и шагнул вперёд, увлекая попутчицу за собой. Опять, будто на секунду, мутная пелена на глазах и они вышагнули из камня с другой стороны. И вышагнули они не в лес. Вокруг была сплошная темнота, под ногами был захлапанный чем-то пол, вокруг что-то стояло.

– Кладовка, – шепнул Саня. – Тут рядом мастерская мастера-стеклодува. Сам он спит наверху. Не шумите, чтоб его не разбудить.

Саня начал аккуратно пробираться к двери, ловко маневрируя между наставленными сундуками. Наталья обернулась посмотреть, что для них явилось дверью – это была обычная стена, самая дальняя от входа. Она начала на ощупь пробираться вслед за Санькой, но что-то загремело в корзине, что-то стеклянное выпало и хорошо, что не разбилось, лишь покатило по полу.

"Вот уж точно я – слон в посудной лавке", – подумала Наталья.

Тут по деревянной лестнице послышались шаги и скоро из-под двери показался блик света от свечи.

– Прячьтесь, – прошептал Санька. Я за вами приду.

– Alessandro, sei tu? – грозно спросил мужской голос.

– Sì, signore.

Дверь приоткрылась и на пороге возник пожилой мужчина, в одной руке держа свечу, другой прикрывая её от сквозняка. В старой, непонятного цвета и фасона одежде, с чёрными выюющимися волосами до плеч, в которых проступали седые пряди и с грозным, искажённым светом свечи, выражением лица. Он схватил Саньку за ухо и вытащив из кладовки захлопнул дверь.

– Che ci fai qui, piccolo mascalzone? *(Что ты делаешь здесь, маленький негодник?)

Санька что-то ответил, Наталья из-за двери не разобрала слов, тем более, это было на итальянском. Но по общему тону голоса она поняла, что Санька не боялся. В темноте замкнутого пространства минуты растянулись для неё в часы. Боясь ещё что-нибудь задеть или уронить, Наталья аккуратно села на пол, прислонившись спиной к прохладной стене.

"Вот я и побывала в Италии", – усмехнулась она про себя. – "А Санька-то каков! Даже не предупредил, прохиндей".

Минут через пятнадцать из-под двери показался кружок света от свечи. Дверь тихонько приоткрылась и Санька, прижав палец к губам в немой просьбе молчать, кивнул, призывая идти за ним. Наталья очень аккуратно выбралась из своего угла и на носочках последовала за мальчиком. Санька вывел Наталью через узкий коридор в большое помещение с самодельными стеллажами, уставленными всевозможными бокалами, стаканами разных форм: с крылышками, с зацепами, и еще кто знает чего, в темноте видно не было. Вся правая стена была уставлена зеркалами разных форм и размеров, в которых отражался свет Санькиной свечи. Он жестом попросил Наталью подойти к стеллажу на левой стороне. Там, на полках, были выложены зеркала в оправках и без, большие, в рамках для картин и маленькие ручные.

– Выбирайте! – прошептал он.

– Наталья протянула руку, собираясь взять любое, первое попавшееся, но какое-то внутреннее чутьё заставило провести рукой над зеркалами и она почувствовала тепло от одного, оформленного в затейливо вырезанную рамку из тёмного дерева, зеркала. Она взялась за ручку и поднесла к лицу. Зеркало изнутри издало мягкий свет. Санька ойкнул.

– Уходить пора. А то застучает мастер, не поздоровится нам, – шепнул он. Тихонько, как мышки, они преодолели дорогу обратно до кладовки. Наталье сложно было быть "мышкой" в сто килограмм, но в этот раз она ничего не задела, ничего не уронила. Дойдя до нужной стены, Санька взял Наталью за руку, задул свечу и запросто шагнул в стену, как в дверь. Вышли они в своём лесу из того же камня, в который вошли. Солнце уже скрылось за верхушками деревьев, в лесу стало прохладней. У Натальи случился откат – она согнулась пополам и начала заливисто смеяться. Адреналин гнал кровь по венам, сердце бухало в груди, ударяясь в рёбра, а ей было просто весело!

– Уух! Санька! Это ж правда! Мы в Италии были! Зеркало спёрли!!! – она продолжала хохотать на весь лес, вытирая выступившие слёзы.

– В Италии! Были! – смех неожиданно начал переходить в слёзы и превращаться в истерику. – Игорь меня обещал свозить в Италию, козёл! – она осела на землю, согнув ноги в коленях. – Всю жизнь мне что-то обещал, а сам это для Алки делал. Я ж и подумать не могла, что он к моей подруге бегаёт. Я ж, когда видела новые вещи, подаренные ей "её мужчиной", советовала держаться за него. Дура! Какая я была дура! И утешала её, когда они ссорились, помириться советовала! И в Италию он её возил, и во Францию, и в Турцию! Вот идиотка я!!! – слёзы обиды душили, обжигали лицо, душу, но они же принесли и облегчение, освобождение от многолетних обид и предательства. Выплакав последнее, она вздохнула облегчённо несколько раз, размазала грязными руками солёную воду по лицу и оглянулась. Саньки не было.

– Санечка! – позвала она.

– Бегу! – откуда-то слышался его голосок. Скоро и сам он показался между деревьев с ковшиком в руках:

– Вот, выпейте, тётъ Наташ! – запыханно произнёс он, – вода... там...

Наталья с благодарностью взяла ковш, жадно сделала несколько глотков.

– Ого! – услышала она Санино, – Вы посмотрите!

Она обернулась вокруг себя и увидела, что сидит на островке из жёлтеньких полевых цветочков. Это была красота. Такая свежая, поразительная в своей неожиданности, такая проникающая прямо в сердце, освежающая душу!

Наталья была благодарна мальчишке, что он не видел всей её истерики, не слышал её исповеди. Благодарна, что он показал ей, что есть другой мир, что жизнь не заканчивается в сорок пять с предательством мужа, что не всё то жизнь – стирка, кухня и уборка, а есть ещё много такого, где ты можешь быть счастливым, помогая другим. Ведь Санька сам был одинок,

но он не понимал этого – он помогал людям за их доброе отношение, переживал за одиноких стариков, думал как помочь детдомовцам, сам не имея ни крыши над головой, ни даже сменной рубашонки. Наталья встала, отряхнула налипшие к подолу листики и веточки, обняла Саньку, поцеловав его в макушку:

– Спасибо, Сань. За всё.

– Да за что, тётъ Наташ? Мы с вами ещё ничего не сделали! Только зеркало спёрли, – он откровенно смеялся.

Наталье тоже стало смешно:

– Интересно, что будет, когда мастер твой обнаружит пропажу?! Он такой суровый!

– Да нее, он добрый, просто строгий.

Они пошли в сторону дома: Наталья шла позади, Саня впереди, размахивая ковшиком. Поэтому она и не видела, что с обеих сторон от тропинки за её следами всё увивается мелкими листиками и раскрываются тысячи мелких голубых цветочков.

– А какой это был год, Сань?

– Тысяча восемьсот семьдесят пятый. Девятнадцатый век.

– Ого! А ты там как оказался?

– Жил там. Я был подмастерьем у мастера Винченсо.

– Как это жил, Сань? Ты ж тут живёшь! – Наталья была удивлена.

– Да меня один из коридоров вывел, мне так там понравилось! Мастер в обучение взял. Только вот меня там не оставило, всё время из того дня сюда выкидывает, я тут коридор закрою, иду, проверяю, останусь – нет? Пока вот не остаюсь никак. Чего-то, значит, ещё не сделал. Наверное, надо тут все долги раздать, коридоры закрыть, тогда там и останусь насовсем.

За разговором они дошли до дома, окна которого ярко светились. Из-за плетня в ряд торчали ярко-жёлтые головы подсолнухов.

– О, а это откуда? – ещё больше удивилась Наталья.

– А чему вы удивляетесь? Вы дали лесу чувства, эмоции, вы наконец-то ожили, оставив все обиды. Я не удивлюсь, что у коров чисто и они накормлены, вон даже и баня топится! – Саня указал на дым из трубы. – Я так хочу есть! Может, и ужин готов?!

Наталья вдруг тоже поняла, что голодна – ведь кроме того, бабы Тониного чая из малиновых листочков, она сегодня ничего не ела. Войдя в дом, она ахнула: вместо одинокой лампочки на свежесмытом потолке красовалась богатая люстра, свет от которой заливал всю комнату. Старая русская печь была отделана красивейшими разноцветными изразцами, на столе лежала таких же, как изразцы цветов, скатерть. На столе стоял самый вкусный в мире ужин: огуречки, помидорчики, редисочка, много зелени, мелко нарезанное солёное салко, морс в запотевшем графине, домашний хлеб ломтями и венчала всё это великолепие огромная сковорода со скворчащей жареной картошечкой, издающей умопомрачительный запах!

– У вас появился домовой, тётъ Наташ! Его надо честь по чести поблагодарить, за стол позвать да имя узнать. А потом вы ему подарочки да уважение – он вам заботу.

Наталья с расширенными глазами повернулась к столу, где на лавке уже устроилась Мурка:

– Здравствуйте, домовой. Я – Наталья, хозяйка этого дома. А это – Саша, мой друг. Рада, что вы к нам переехали. Благодарю за порядок, за ужин, приглашаю вас к столу. Будем знакомиться.

Вдруг, из пустоты, раздался басовитый смех:

– А не испугаешься? Я – страшный, злой и вредный!

– Ты – хороший и заботливый. А к внешности привыкну!

Прямо из воздуха соткался стоящий возле стола мужик в красной старинной косоворотке, в холщовых штанах да лаптях. Светлые волнистые волосы были собраны сзади бечёвкой,

широкие брови сходились на переносице, нависая над глубоко посаженными тёмными глазами. Небольшая аккуратная бородка. Он стоял, уткнув свои большие натруженные руки в бока:

– Ну?

Наталья оглядела оценивающе:

– Ну что, – хорош! И даже вовсе и не страшный!

Мужичок усмехнулся и поклонился:

– Демьян я, хозяйка. Буду служить тебе верой и правдой, пока нужен буду, пока не прогонишь, пока не обидишь.

– Приглашайте к столу, тётъ Наташ! – пихал её локтем Санька.

– На правах хозяйки приглашаю вас к столу! Хотя, Демьян, я думаю, вы на это имеете больше прав!

Картошечка была восхитительна, огурчики сладенькие, сальце мягонькое, хлебушек ещё тёпленький.

– Уumm! – закрыв глаза восхищалась Наталья.

– Угу! – с набитым ртом соглашался Саня.

Демьян только добродушно посмеивался в бородку.

– Всё, не могу больше! – Санька отвалился от стола спиной на стену. В меня больше не влезет!

– В меня тоже не влазит, но я остановиться не могу, – жалобный голос Натальи вызвал у всех улыбки.

Когда с ужином было покончено, Демьян погнал всех в баню:

– Я сначала пойду, Саньку помою, а то уснёт малой, ему сегодня два раза коридор открывать пришлось. Как ещё держится?!

Когда Демьян с Саней ушли, Наталья вытащила из сумки зеркало в резной оправе.

– Какая ж красота! Умели же делать! – прошептала она.

– Ну, Милочка, и как же мне тебя увидеть, ягодка моя? – Наталья крутанула зеркало и вдруг картинка пошла рябью и она увидела, как зять укладывает Милочку спать. Он так нежно пел ей колыбельную, заправил за ушко выпавший локон, укрыл одеялком. Внучка лежала лицом к зеркалу и Наталья видела её хитрющее личико, – Мила не спала. В прихожей раздался звонок телефона и зять вышел из комнаты. Вдруг Мила открыла глазки, посмотрела прямо на Наталью и помахала ручкой.

– Пивет, баба Атася!

– Привет-привет, ягодка моя! Баба скучала. Как дела?

– Хаясо. Я в длугой садик скола пайду. Баба, я тебя лублу! Не грусти!

И связь прервалась. Но и этих мгновений Наталье хватило, чтоб быть счастливой. Когда пришли Демьян с Саней, она спросила:

– Как же мы жить-то будем? Нас в нашем "теремке" прибавляется, а места мало.

– Не бойсь, хозяйка, у тебя теперича своя горница есть, – Демьян махнул рукой в сторону стены. Наталья проследила за ней взглядом и увидела, как на ранее пустой стене появились две двери. Санька первый подскочил к дверям и распахнул обе. За первой дверью располагался городской санузел с ванной, а за второй была светлая большая спальня, посреди которой стояла двуспальная кровать, застеленная светлым лохматым пледом, у стены стоял шкаф, комод и письменный стол.

– Это ж кто тебя так порадовал, что дом шире стал? – почесал бородку Демьян.

– Да, я счастливая – с внучкой через зеркало поговорила.

– А такое как возможно? – удивился Санька. – Вы в силу не вступили, вы не могли ещё через зеркало ни с кем разговаривать.

Наталья пожалала плечами:

– Ну, может, потому, что внучка тоже будущая Видящая?

В ту ночь она провалилась в сон без сновидений в своей новой спальне, которая ей очень и очень понравилась.

Утром, за завтраком, Наталья решила продолжить с Санькой прерванный вчера разговор:

– Саш, вот скажи: как ты и в прошлом жил и здесь? И как ты это совмещаешь, что можешь и туда и сюда?

– Человек проживает не одну жизнь. И в каждой у него остаются долги. И он эти долги гасит в следующей жизни, исправляет ошибки, хотя даже не помнит о них. Иногда маленькие дети помнят, но им никто не верит. А вот я помню и свои жизни и проживаю их снова и снова. Но не целиком, а несколько ключевых узлов, где произошло что-то важное, что может изменить дальше абсолютно всё. Но пока я ничего не смог изменить, поэтому опять пойду и к мастеру, и к бабе Тоне, и к Семёну, и к детдомовцам, и ещё там, – он неопределенно кивнул головой.

Наталья молчала, переваривая.

– А со мной ты зачем? А с бабой Фросей? Почему помогаешь нам?

– Ну с бабушкой вашей одна история, – мы ходили вместе редко, я свои долги раздавал, она целые сёла лечила. Раза три всего вместе ходили. С вами, видимо, будет история другая. Но большего сказать не могу. Так, что, к Семёну сегодня пойдём? Вчера ж не ходил, там дровами, поди, весь двор завален.

– Ну пойдём, поможем твоему деду Семёну. Одеваться как?

– Да как хотите.

– Демьян! Соберёшь гостинцев?

Опять мостик, опять коридор, и вот Наталья с Санькой выходят из леса к окраине деревни.

– Может хоть что-нибудь расскажешь? Почему именно дед Семён из Тараевки?

– Нет.

– Это тайна?

– Нет. Лень.

– Вот ты! – она притворно возмутилась.

– Да что там рассказывать – он вам сам всё расскажет. Болтливый очень.

Санька открыл окрашенную в синий цвет железную калитку и они вошли в маленький дворик, заваленный колотыми дровами. Санька постучал в дверь, в окно:

– Дед Семён, я пришёл!

Ещё пару минут постучал и решительно начал собирать поленья. Наталья стала помогать. С шутками они таскали дрова за дом, в приготовленную поленицу. Когда решили присесть и отдохнуть, в калитку, сильно хромая на левую ногу, вошёл пожилой мужчина. В его руке был обыкновенный пакет с продуктами. Наталья удивлённо приподняла брови на Саньку:

– Это что, наше время?

– Угу.

– А чего не предупредил? Я б телефон взяла, детям позвонить.

Санька неопределенно пожал плечами и двинулся к хозяину дома:

– Здравствуйте, дед Семён.

– О, Санёк, здорово! – мужчина поставил пакет на землю и крепко пожал Санину ладошку левой рукой. Ну для Саши он и был дед, но Наталья никак не могла называть его дед Семён. На вид мужчине было лет шестьдесят. Ещё моложавый, но с серебряными прядями у висков. Опрятная стрижка, чистая одежда.

– Семён, – протянул левую руку Наталье.

– Наталья. Родственница Саши.

– Ого! Я думал, он сирота.

– Что ж ты, Саня, скрывал свою родственницу?

Саня отвел взгляд и пожал плечами.

– А мы вам помочь пришли! – поспешила сменить тему Наталья. – Вот дрова носим на задний двор.

– О, ну за это спасибо! А то мне протез лишний раз нагнуться не даёт. Рубить приспособился, а вот собирать – проблема. Пойдёмте в дом, я вас чаем напою!

За кружкой чая дед Семён, обрадованный неожиданному слушателю, рассказывал историю своего детства – как они с другом Сашкой не сдавали свои пальтишки в гардероб, а прятали их в дупле дерева возле школы, а потом, отпросившись в туалет, сбегали с уроков. Как курили в сарайке и Семёнова мамка их поймала и обоим уши пооткручивала. И что Санька сильно уж похож на того, его друга, Сашку.

– Дед Семён, мы пойдём, дрова поубираем, а то у нас ещё дел куча, – перебил Санька, вставая из-за стола.

– Да, действительно, засиделись, – спохватилась Наталья.

– Заболтал я вас, вы меня простите, старика.

Дрова перетаскали в молчании, Санька пожаловался на занятость и распрощавшись с хозяином, они отправились в лес.

– Рассказывай, – попросила Наталья, – ты что ли был тем другом Сашкой?

– Я.

– И что произошло? Что ты ему должен?

Санька остановился, грустно вздохнул:

– В тот год снега много навалило и я его позвал с крыши фермы в сугроб прыгать. Там ещё одноклассница наша была, Настя. Перед ней и хорохорились. Мы только залезли, я на другую сторону соскальзывать начал и за Семёна схватился. Так, вместе, как попало и упали. А там такие столбы железные, к которым сетки крепятся, ну ему руку порезало, а нога в мясо. Настя помощь позвала, Семёна успели в район увезти. Ему потом руку сшили, но там что-то – то ли с мышцами или сухожилиями, а ногу не спасли. Всю жизнь вон на протезе и не женился и детей нет. Прихожу помогать. – Санька тяжело вздохнул. – За всю его сломанную жизнь я виноват.

– А ты? – тихо спросила Наталья.

– А я что? Я сразу насмерть. Не мучился.

– Так ты мёртвый? – у неё встали волосы дыбом.

– Ну какой же я мёртвый, тётя Наташ? Я ж тёплый!

– А шрамы у тебя откуда?

– Ну это как напоминание мне о долге. Как очередной долг закрываю, тот шрам исчезает. Вот мы с вами за зеркалом сходили, ещё один шрам сошёл.

– А там что случилось с тобой?

– А там вообще странная история: я попробовал в тот день не воровать ни то зеркало, никакое другое уже несколько раз, но всё равно, видимо, в чем-то оставался виноват. Там оправу для этого зеркала я вырезал. Я должен был её позолотой покрыть, но я не успел просто. Это зеркало какая-то богатая сеньора заказала, мастер Винченсо ей его утром должен отвезти. Я думаю, раз оно не закончено, то оно ей не понравилось. А, вдруг, муж той сеньоры надавал мастеру плетей и он мне хлыста дал в сердцах, как вернулся? А сам умер через неделю от заражения крови? А теперь мы зеркало стырили, и у меня шрам пропал от хлыста, которым меня мастер по приезду "наградил". Значит он другое зеркало сеньоре отвёз и оно ей понравилось. И мастер жив остался и я так у него и остался в подмастерьях. А потом, может, как мастер и обещал, когда я вырос, в его мастерской управлять стал, ведь мастер не молодой был уже. Но скорее всего мастер меня хлыстом бы отходил за неисполнение и я б умер от заражения крови, – я не знаю. Я ушёл в этот вечер оттуда сюда. И коридор только в ту же ночь открыт. Никто не заметил моего ухода. Я здесь уже столько долгов закрыл и мог уйти туда, как я ходил туда-сюда, а сейчас коридор закрылся.

– Сань, а когда все долги закроешь и все шрамы пропадут, что будет?

– Не знаю, – Санька пожал плечами, – но там, вроде, на спине ещё много осталось.

Демьян опять встретил их натопленной банькой, да столом, полным еды: салатик из свежих овощей, холодненькая крошечка, жаркое да пирог с яблоками. Да только у Натальи совсем не было сил на еду. Она очень устала, ныли с непривычки мышцы. Демьян с Санькой только переглянулись, когда хозяйка из последних сил утопала в баню.

– Как думаешь, Сань, долго она продержится, если он явится? Сама силой своей не лечится, как она сможет другим-то помогать? – Демьян задумчиво водил пальцами одной руки по столу.

– Не знаю, – Санька пожал худенькими плечиками, – но сила проснулась в ней. Вчера такая поляна цветов после её слёз осталась!

– Ну это я тоже чую: еды полные закрома, и коровам припасено, и дров для бани, – Демьян грустно вздохнул, – да только скоро потянутся к нам "просящие", а хозяйка силу не взяла, учить её надо. А кто будет?

– Так ты и учи, – сказал Санька сонно, – а мне некогда, у меня там детдомовцы да рыцарь, будь он неладен! – Санька зевнул.

– Вот ещё – я учи! – Демьян глянул на мальчишку из-под густых бровей. – Я многого не знаю, при Видящей не жил, так только, основы.

– Понятно, – Санька уже откровенно зевал, – учитель нужен. Тут думать надо...

– Таточка, – говорила во сне бабушка, – зачем мучаешь себя? Пошто силу родовую не призовёшь? Скоро прознают все, что Видящая тут есть, да все в лес потянутся, а ты не помочь, ни защититься не сможешь.

– А от кого мне защищаться, ба? Тут Санька да Демьян.

– Ну не скажи! Раз ты не видишь, думаешь нет никого? Так ты оглянись! Выйди из-за плетня, пока не ходють, да погляди на лес попрестальней, а то некогда потом будет, как Няял явится! А силу бери, не думай! У тебя ж зеркало есть!

Наталья проснулась утром от звонкого "кукареку". За окном вставало золотое летнее солнце, утренний ветерок нежно трогал лёгкий тюль и тут второй раз это звонкое: "кукареку"! Еле встав с кровати, с ахами и охами она поковыляла к окну. Из него не было видно "будильник". Выйдя из дома, накинула по пути снятую с вешалки полюбившуюся куртку в красный цветочек и вошла в сарай. Да только то был не тот сарай на одну корову, где телилась Зорька, тут было несколько отдельных стойл по правой стороне. Зорька с тёлочкой занимали самое большое. А по левой стороне, за сетчатой дверью на разной высоте находились куры. На самом верху и находился хохлатый красавец.

– Это что? Это как? – Наталья растерялась.

Из воздуха опять соткался Демьян:

– Так доброе дело вчера сделала, частичку себя отдала – человеку немощному помогла. Вот и возвращается всё сторицей.

– Демьян, а ты бабушку мою, Фросю, знал?

– Нет, хозяйка, – Демьян помотал головой, – другой домовой у неё жил, Няял.

– Мне баба Фрося во сне сегодня тоже что-то про Няяла говорила. А что с ним случилось? – Наталья гладила Зорьку по тёплому боку.

– Так неизвестно. Как она вышла из леса, к людям вернулась, так разом всё прахом пошло: и дом и всё вообще. Демьян поднял голову, прислушиваясь:

– А вот и первые "ласточки".

– Что? О чём ты?

– Лесовушки пришли, гостинцы принесли. Ты им поляну цветов наплакала, а они страсть как венки плести любят.

– Лесовушки? – Наталья была в недоумении. – Это кто?

– Ну пошли, хозяйка, познакомлю, – Демьян ухмылялся в усы, наблюдая за реакцией хозяйки.

Издали Наталья увидела двух худеньких, низкорослых девушек. Приблизившись, она просто уставилась на них, открыв рот. Девушки были как бы и не девушки совсем – может и женщины, может и бабушки. Носы их были просто сучки деревьев, у одной даже листик болтался сбоку, глазки – цветочки: сердцевинка – глазки, лепесточки – реснички. Рот – тонкая полоска, ушей и бровей не видать. На непонятной формы головах – то ли мох, то ли трава и сверху огромные венки из жёлтеньких и синеньких цветов с Натальиной поляны.

– Здравствуй, хозяйка дома в лесу, – пропищала одна, приложив ручку-веточку к груди.

– Здравствуй, – скрипучим голосом вторила её подружка.

– Здравствуйте и вам, – Наталья растерялась.

– В дом позовёшь? – пищала первая.

Демьян тронул хозяйку за руку, Наталья взглянула на него, он отрицательно покачал головой.

– Ну и ладно, тоже мне, хозяин нашелся, – опять пищала первая.

– Ага, ага, нашёлся тут! – скрипела вторая.

– Ты, хозяйка, прими от нас гостинец – за цветочки благодарствуем. Давно в нашем лесу такой красоты не бывало. Когда последняя видящая, Ефросинья, уходила, рыдала сильно, так весь лес цветами разными усыпан был. Так с тех пор и ходим не радостные. А тут опять красота такая! Мы сейчас пойдём и лешего нашего обрадуем, что ты у нас есть! А то тоже хандрил столько лет, да в спячку завалился, за лесом не смотрит, бурелом сплошной, не пройти. Так что, хозяйка дома, жди хозяина леса, обязательно явится! И, смеясь, лесовушки растворились в воздухе, а на земле стояла большая корзина с земляникой, сверху которой лежал красивый венок.

– Ты, хозяйка, в дом никого не зови и не пускай, – Демьян указал пальцем на корзину и та поплыла через калитку во двор. – А то не выгонишь потом. Сама ко всем выходи, и смотри: правда если помощь нужна, так можешь в беседочку пригласить, – он кивнул на новую беседку, которой вчера тут не было. – А если так пришли, поклянчить чего, так за плетень не выходи, просто ветерок призови, чтоб от дома отпугнуть, ну или, если совсем доставать начнут – купол невидимости поставь.

Наталья смотрела с удивлением на домового:

– А как это?

Демьян хлопнул в ладоши и корзина с земляникой исчезла.

– В погребке она, – ответил он на недоумённый взгляд Натальи. – Зачем мне тратить силы и время, если я могу переместить? Вот так и ты, хозяйка, – зачем тебе терпеть боль в натруженных мышцах, если ты можешь её снять, не пойму?!

– Как снять? – ещё больше удивилась она.

– Ну так ты в верхнем шкафчике, что в комнате твоей, смешай что само подскажет, да пожелай, чтоб не болело и пальцами щёлкни.

Наталья доковыляла до комнаты, открыла шкафчик, увидела пузырьёчки, травки в мешочках. Два пузырьёчка светились до половины. "Наверное по половине надо смешать" – подумала она. Смешала в пустом стакане, и выпила бесстрашно, очень сильно пожелала, чтоб у неё ничего не болело, щёлкнула пальцами и боль прошла, будто и не бывало.

– Ого! Демьян! Всё прошло! Ой, как хорошо-то! Ничего не болит! Она засмеялась, выбежала во двор и закружилась на месте. По беседке побежали зелёные побеги и распустились синие звёздочки выюнка. Демьян улыбался в бороду.

– Пойдём завтракать, хозяйка. Нам ещё варенье варить.

– А Санька где? Спит ещё?

– Нет, – Демьян нахмурился. – Вчера ещё ушёл – хотел с детдомовцами встретиться.

До обеда Наталья и Демьян провозились на кухне, занимаясь вареньем.

– Можно было и поволшебничать, только такое варенье закиснет быстро да и невкусным будет, – объяснял домовой.

Он ещё много чего рассказывал хозяйке, и про лес и про лесных жителей, только её беспокоило долгое отсутствие Саньки.

– Пойду, что ли, прогуляюсь, – решила Наталья.

Она медленно обошла свои владения: в маленьком саду перед домом выкинули листья розовые кусты, из-под земли уже сильно заметно вылезли розовые побеги пионов, в кроне цветущих яблонь перекликивались какие-то птицы. Запах яблоневого цвета смешивался с запахом цветущего куста сирени и кружил голову. Наталья закрыла глаза, подставляя лицо солнышку и наслаждалась тем, как лёгкий ветерок нежно ласкает её лицо.

– Кхе-кхе, – раздалось где-то рядом.

Она открыла глаза и уставилась на говорящего: Леший! Как есть леший!

– Ты, что ли, новая хозяйка дома? – спросил корявый ствол дерева с глазами и длинным, сучковатым носом, облокотившись на плетень.

– Я... – Наталья беззастенчиво оглядывала пришельца.

– В дом позовёшь?

– Ээ...

– Ну да, ну да. Незнакомы ж мы. Леший я местный. Леса этого хозяин. Акимычем кличут.

– Леший Акимович? – уточнила Наталья с глупым видом.

– Нее, Северьян Акимович. Можно просто Акимыч, – леший оскалился деревянными зубами.

– А я – Наталья. Пройдёмте в беседку, чайку попьём.

Страх уступил место любопытству, тем более, что лесовушки предупреждали о скором появлении лешего.

В беседке уже был накрыт стол для чаепития – Демьян расстарался. Домовой обнялись с лешим как старые приятели:

– Ещё скрипишь, трухлявый пень?!

– Ну я смотрю, тебя тоже время не шадит, хозяйский приживалка.

Они были рады друг другу, обменивались шуточками, рассказывали Наталье истории из своей прошлой жизни, из жизни лесных обитателей. Наталья и не думала, что в лесу живёт так много разного народу.

– Жило, – поправил леший, – раньше лес был больше. Гораздо больше. Лет двести назад жили тут два барина и из-за леса всё судились, и пакостили друг другу, не жалеючи. Ты помнишь, Демьян?

– Ну как же, помню, – вздохнул домовой. – Сколько лесу пожгли, дриады по двое-трое в одном дереве долго жили, пока молоднякаросло.

– Ага-ага! Так вот: и малину и землянику только у соседа собирали и дрова запасали, столько крестьян тут в той войне полегло – считай от каждого по полдеревни. Ненавидели друг друга люто! Да только дети тех хозяев прям в суде предстали перед ними: вот, де: любим, страсть как, жить друг без друга не можем! Ничего не осталось, как поженить детей – невеста-то тяжелая уж была. Отдали им тот лес с двумя деревнями в приданое.

– Да только люди в тех деревнях – кто отца потерял, кто мать, кто мужа. Не простили молодых, озлобились на них. И не было молодым от тех деревень проку: доходу не приносили, крестьяне скотину губили, лес вырубали, браконьерничали, пьянствовали. Молодой барин и так и так пытался, а – бестолку. А когда мальчонке ихнему около десяти было, его, как зверя дикого, мужики в лес загнали, гоняли, пока не обессилел, да так вон, возле речки, где сейчас мосток, собаками и затравили.

Наталья от ужаса закрыла рот руками, осенённая страшной догадкой, чтобы не закричать:

– Это Санька был? Скажите, Санька?

Домовой кивнул, не поднимая глаз:

– Барин, когда сына нашёл, поседел сразу, принёс то, что осталось домой, барыня тут и свихнулась. Барин сам и гроб сколотил и сына омыл и слова с того дня не сказал. Да только всех крестьянских детей собрал в своём доме, закрыл и поджёг. А сам повесился. Вой людской стоял по всей округе. Нынче на том месте церква стоит, – добавил он уже тихо.

Наталья обхватила голову руками:

– Так вот почему он к этому месту привязан, по мостику этому ходит. Только почему он ходит в деревни, не которые тут рядом, а, возможно, в разных концах страны находятся?

– А потому, – за спиной раздался звонкий Санин голосок, – что там сейчас потомки тех, кто был невиновен в тот день. Некоторые остановить тех мужиков пытались. И я перед ними этот грех и замаливаю.

Наталья огромными глазами смотрела на Саньку:

– Бедный ребенок! Ты ж не виноват в этом! Ты ж им плохого не делал! И родители твои!

– Ну прокляли-то они меня! – Санька обошел беседку и сел за стол. – Я пытаюсь понять, кто этот потомок из людей вокруг меня. И, когда нахожу, пытаюсь загладить свою вину ценой собственной жизни. Иногда получается, иногда нет.

– Семён понятно. А баба Тоня?

– Так мамка моя. Была.

– И что случилось?

– А там первая мировая война началась, старшего брата призвали ратником, да там он и погиб.

– Так мы к бабе Тоне ходили в какой год, получается?

– Тысяча девятьсот сорок второй, – Саня опустил глаза.

– О, Боже! Так она мне про Великую Отечественную, а ей про ту, что сейчас!

– А ты как погиб?

– Да я как всегда – по глупости. Коров возле леса пас, да заснул. Чего-то они испугались, да ринулись от леса, да меня и снесли. И я с обрыва вниз кувыркнулся, видимо, шею и сломал. Так вот опять меня тропа вывела до мамки, да понять пока не могу, что мне для неё сделать, чтоб отпустило, чтоб ту дорожку закрыть.

Все сидели молча, переосмысливая сказанное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.